

Василий Аксенов

Первый отрыв Палмер

*Часть сборника
Негатив положительного героя
(сборник)*

Негатив положительного героя

Василий Аксенов
Первый отрыв Палмер

«ЭКСМО»

1996

Аксенов В. П.

Первый отрыв Палмер / В. П. Аксенов — «Эксмо», 1996 — (Негатив
положительного героя)

ISBN 978-5-457-11300-8

«Художник Орлович сидел в своей студии, что за старой стеной Китай-города, окнами на Большой театр. На дворе в декабре 1991 года подыхал советский коммунизм. У Орловича между тем завершалось нечто лиловое с багровым подтеком, надвигалась грозная синева со свинцовым подбрюшием, новый прибой акриловой революции...»

ISBN 978-5-457-11300-8

© Аксенов В. П., 1996

© Эксмо, 1996

Василий Аксенов

Первый отрыв Палмер

Художник Орлович сидел в своей студии, что за старой стеной Китай-города, окнами на Большой театр. На дворе в декабре 1991 года подыхал советский коммунизм. У Орловича между тем завершалось нечто лиловое с багровым подтеком, надвигалась грозовая синева со свинцовым подбрюшием, новый прибор акриловой революции.

В мрачноватой студии сполохами самовыражался телевизор. Страшный, как леший, рок-звезда Кьеркегоренко вопил уже привычное: «Красная сволочь, вон из Кремля! Вон из Кремля, стонет земля!» От плиты через всю студию тянулся запах индийского петуха: подружки Орловича, Муза Борисовна и Птица-Гамаюн, готовились к приему гостей по случаю окончания лилового и начала синего.

Задрожала оцинкованная дверь – в нее явно били ногой. Прежде бы подумал непременно Орлович: «Пришли гады». Хотя никогда никаких особых поводов «гадам» приходиться не давал, за исключением знаменитого дерзновеннейшего своего прыжка в лопату бульдозера «Беларусь» осенью 1974 года. Желто-зеленый шарф его тогда развевался над разгоняемой выставкой «модернистов», пока не был сброшен вместе со всем остальным в канаву.

Ну, теперь-то, после августовских баррикад, «товарищам» не явиться, подумал Орлович, однако дверь продолжала трястись словно и впрямь под сапогом гегемона. Орлович при помощи своих длинных рычагов вылез из продавленного дивана и приоткрыл дверь. Вместо сапога в мастерскую просунулась босая нога. Гегемон обернулся деклассированным соседом Чувакиным. «Ты чего, Модест, закрываешься? Колбасу, что ли, жрете?» Он прошел внутрь, распространяя противный запах винегрета, сродни блевотине.

Орлович увидел себя вместе с Чувакиным в скособоленном зеркале XIX века. Друг друга стоим, подумал он. Экая гнусная неряшливость лиц, волос, гардероба. А ведь у меня есть два хороших костюма, бритвы, одеколон, чтобы как-то отличаться от Чувакина.

«Ничего починить не надо?» – спросил сосед, заглядывая почему-то за зеркало. Всему дому было известно, что Чувакин, при всей своей внешности «русского умельца», никогда ничего починить не мог и не хотел и что главным его делом было – всосаться в среду, чтобы там прохалываться, потому-то всегда и являлся с предложением чего-нибудь починить.

«Вам что, Миша, нужно в данный момент?» – спросил Орлович.

«Немка там какая-то пришла, Модест, ты бы помог покалякать», – сказал Чувакин.

«Это что-то новое у вас, какая еще англичанка?» – удивился художник.

Миша Чувакин рассказал короткую историю. В принципе он уже спал, поев лапши с курятиной. Как этот вот рок-фестиваль начался, так он и замкнул на массу, даже Смарагду блядскую вырубил из сознания. Скажи, Модест, что с похмелья, и как раз ошибешься! Просто устал, до утра в бригаде работал по разборке памятника Калинина Михал Ваныча, все-союзного старосты. Как это, к чему такие подробности, Модест? О чем людям меж собой говорить, если не о подробностях?

Налив себе небрежно из початой бутылки стаканок «Пшеничной» и махнув его как бы между прочим, будто и не за тем пришел, Чувакин продолжал. Стук какой-то услышал он сквозь сон, какой-то ненашенский, в общем, участковый так не стучит. Смарагда блядская пошла открывать и вернувшись с немкой. Такая баба молодая, далеко не развратной внешности. Хроменькая англичаночка, будто цветок, ну немка. Дрожит и протягивает ребенка в голубых ленточках.

Вот вам и диккенсовская история в китайгородской интерпретации, подумал Орлович. Близится Рождество, хроменькая немочка-голландочка с ребенком в голубых ленточках. Москва, безвластие. «Не сворачиваете ли вы, Миша, на тропу мифов?»

Чувакин вдруг ужасно обиделся. Он соседа по-дружески называет, Модест, а тот все время на официальные переводит: Миша. Хули-ш-ты, Модест, как не свой, как будто не сосед, «вы, Миша»? К тебе приходят за помощью, чтобы перевел слова матери-одиночки, а ты, как с алкоголиком, на «вы». Плеснув себе еще полстакана «Пшеничной» и с той же небрежностью, как будто совсем не придавая главной влаге своей жизни никакого значения, ее употребив, декласе Чувакин протопал к двери. Какие ленточки, говоришь, какой ребенок? Смотри сам!

Орлович теперь своими глазами видел на лестничной площадке англичанку, если не немку или не шведку, в черном пальто-дутике и в теплых наушниках на удлиненной голове. Руками в огромных, тоже «дутых» перчатках она прижимала к груди основательный пакет, перевязанный синим шнуром.

Это была некая Кимберли Палмер из города Страсбург, штат Вирджиния, США, про-сим не путать со страсбургским пирогом в центре Западной Европы. Ей было двадцать девять лет. По каким-то непонятным причинам всякое упоминание России вызывало у нее в детстве спазм мышц горла и набухание слезных желез. Эта странная эмоциональная реакция привела ее на русскую программу в университете Вандербилд, что в городе Нэшвил, Теннесси. Там она волновалась целый семестр, пока брала курсы по географии и истории России, ну а на курсе по Достоевскому совсем потеряла покой. Дошло до того, что однажды «руммэйтс», то есть сожители по студенческой квартире, сбежались в ее спальню, встревоженные рыданиями: это Палмер читала «Неточку Незванову» в переводе Эндрю Мак-Эндрю.

Быть бы ей отличной слависткой, если бы не пришлось прервать образование. Случилось так, что ее отец, мистер Палмер, очумев от бесконечной жизни в живописной долине Шэнандоа, выкинул антраша вполне в духе героев Достоевского. Не сказав ничего семейству, он перезаложил дом, забрал весь чистоган и свалил куда-то к чертям, может быть, даже в Лас-Вегас, в общем, с концами. Мать, миссис Палмер, рухнула под тяжестью ежемесячных процентов, младшие братья одичали, и Кимберли, едва ли не повторяя подвиг Сонечки Мармеладовой, запродалась в банк «Перпечьюэл» и так и засела там на годы в отделе автомобильных ссуд за цельностеклянным окном с витыми в старинном стиле буквами и с видом на перекресток города Страсбург: светофор, банк-конкурент «Ферст Вирджиния», аптека Макса и магазин гончарных изделий «Хелене Поттери».

В банке она преуспела, то есть к двадцати семи годам стала завоём секции с окладом 32 000, что давало ей возможность даже и после выплаты процентов вести более-менее современный образ жизни. Все это время она продолжала считать себя студенткой престижного вуза, не забывала обновлять университетскую наклейку на своем «Шевроле», а за мороженым у Макса нередко говорила Хелен: «У нас, в Вандербилде...» Два раза в неделю она ездила в Вудсток и там в гимнастическом зале плясала аэробические танцы. Естественно, все карманные издания русских классиков оказывались на ее полке, а ночами кочевали по ее подушкам. По утрам она пробегала три мили вокруг сонного Страсбурга, а иногда и вечером пробегала три мили, а иногда и среди ночи пробегала три мили, а иногда ей и вовсе не хотелось останавливаться, лишь бы не возвращаться в отдел автомобильных ссуд. Естественно, во время бега в ее «уокмэне» крутилась катушка с русскими фразами или с симфониями русских композиторов. «Эта Палмер вернулась из Теннесси совсем другим человеком», – говорили о ней земляки. Мужчины не решались предложить ей «дэйт», и правильно делали: никто из них не напоминал ей ни Печорина, ни Гурова. В своем литературном «целибате» она, между прочим, начала уже несколько подсыхать, несмотря на сильное воображение.

Лучше всех ее понимала Хелен Хоггенцоллер, хозяйка популярной местной лавки, торговавшей своего рода гончарными достопримечательностями: горшками и вазами для

ваших цветов, фигурами фламинго и сурков для ваших лужаек, ангелочками для ваших могил и вообще предметами хорошего вкуса, моя дорогая. Трехсотфунтовая Хелен в противовес тяжести своей плоти отличалась легкостью нрава, любознательностью и даже некоторой начитанностью. Свои сверхразмерные вещи она умудрялась носить с экстравагантностью, уж не говоря о том, что на груди у нее постоянно побрякивали керамические бусы, отражающие многовековую культуру шэнандоаского племени индейцев, называвших себя «Созерцателями Луны».

Пожалуй, только с Хелен наша героиня могла поговорить о страсти, о далекой стране, которую никаким компьютером не понять, никаким калькулятором не измерить, в которую можно только верить, верить... В момент сильного спазма, волнения груди, увлажнения глазных впадин Хоггенцоллер сжимала руку Палмер и говорила ей о том, что сержант Айзек Айзексон, заместитель шерифа из Форт-Ройял, опять спрашивал о ней и вздыхал, как какой-нибудь твой, мой медок, Пушкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.